

Народный роман

В этом году поэту Борису Андреевичу Нечерде исполнилось бы 70 лет. Начинал Борис Нечерда писать по-русски, затем перешел на украинский — родной для него язык. И стал, убежден в этом, одним из лучших поэтов Украины, увы, недооцененным при жизни. Чтобы прийти к тогдашнему всесоюзному читателю, нужны были хорошие русские переводы. Бориса Нечерду переводили, но сам он, ощущая в тонкостях русскую поэзию, чаще всего не был доволен переводами.

Закончив "Народный роман", он получил предложение от какого-то московского журнала прислать им его, естественно, в русском переводе. Вот тогда и обратился Борис к коллеге, сотруднице газеты "Вечерняя Одесса" Инне Леонидовне Тикер с просьбой перевести текст. Редактировал перевод Юрий Михайлик, авторизовал Борис Нечерда. И хоть текст автору нравился, публикация тогда, увы, не состоялась.

Нет среди нас уже ни Бориса Нечерды, ни Инны Тикер. Но мне кажется, поэма и ее перевод не потеряли актуальности. Предлагаю читателям текст, сохранившийся в моем архиве. Это большая часть поэмы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

I

Негры на Украине живут себе слава богу.
Учиться да скалить зубы — всех у студента дел.
А в старых моих Ярешках дедов собирают в дорогу,
сала дают и к салу, чтоб было как у людей.
Платон и Павло степенны, мыслят как по декрету,
а третий — Саня-зачинщик, леший и выкрутас,
так заморочит баки, разноухает все секреты,
что купит танк у танкистов, да им же перепродаст.
Их снаряжают миром — патлы дедам обрезали,
отпарили жесткие пятки и выходные штаны,
на головы возложили фабричные шляпы-сомбреро,
чтоб не роняли марку односельчан и родни.
Деды суеты чурались, тихонько себе соловели —
на то они и избранныки, чтоб люд кипел возле них.
Тем временем вся деревня гостинцы несла к сельсовету,
а там уж сам председатель суровый отбор чинил.

"Макитра сметаны — скиснет" "Ой, бабоньки,
что ж то будет!.."

"Картошку — долой! И тюльку.. А что там у вас в чулке?
Бабуся, веноч цыбули? Да разве ж там нет цыбули?
А чей это узел с салом? И чей это кот в мешке?!!"
Оставили три каравая, каждый как та перина,
корзину ясных антоновок, гречишного меду горшок,
на вышитых полотенцах — петухи да калина,
а в кузове умостили бочонок на посошок.
Общественность было ойкнула, но разойтись не спешила,
когда дед Саня торжественно, как заморский товар,
когда дед Саня на площадь внес петуха-страшилу,
а тот, горлопан, авоську грыз и протестовал.
Волною гуляет гребень цвета сургучной печати:
такой уж в деле не выдаст, на все село заорет.
Присядем, братья-славяне. Достаточно для начала.
Недаром, какое здравствуй, такое и будь здоров.

II

Село уже поутихло и нежно себе напевало:
"Ой рано ранешенько всходит заря"... Отбой.
Но тут уж заверещала вредная тетка Варвара,
а кто же с такою сладит, с иерихонской трубой?
"Да что ж это в мире творится? Да где ж она, справедливость?
Как в поле работать — бабы, а ехать, так мужики?
Смотрите на этих кретинов, на этих заик сопливых,
да мой башмак, вот ей-богу, умнее его башки!
Уважим себя, люди добрые, мы сраму не знали сроду.
Для этой треклятой троицы земля до сих пор на китах.
Куда, лопухи, суетесь в воду, не зная броду?
Как будете добираться?" Деды отвечают: "Так.
Язык доведет до Киева, а там погоняй в Борисполь..."
Как муха их укусила! Не терпится, как в страду!
Сам председатель напутствует: "Езжайте скорей да смотрите,
не упивайтесь в стельку, когда на прием поведут".
Ехать им в гости дальними реками и морями,
кровно нести ответственность за теплый очаг и судьбу,
как водится по обычаю (а подсказал дед Саня),

к вновь обретенным родичам им пробивать тропу.
Петух приударит шпорой, село на глазах потонет:
оно в слезах и улыбках, — а их всегда пополам.
Тут как затрубит Варвара: "Верните назад Платона,
отдайте мне хоть Платона! или оставьте Павла..."
Вот же клятая баба, любого сживет со свету!
Молчала бы лучше в тряпочку, пугала б себе ворон.
Не по твоей ли милости, твоей, да еще Лизаветы
подняли всю эту бучу, гармидер и вавилон?!
Ты бы к брачному ложу не подходила ж близко,
а если уж так приспичило, и влипла себе на беду,
надо б тебе, Варвара, надо бы твою Лизку,
надо бы это семячко да выплеснуть в лебеду.
Гордыня тебя заела? На разум свой понадеялась?
Соседи предупреждали: там вуз, но ведь там и порт...
Напрасно свою лебедушку пускаешь одну в Одессу,
там же такое делается, не приведи господь!
Смеялась в ответ Варвара: "Не будет сякого-такого?"
Ярешки тебе поверили — чужой беды не пасем.
Но стукнула телеграмму твоя Лизавета-тихоня:
"Люблю Выхожу замуж Люблю Приезжаем вдвоем".
Вишневая станция Бровки. Встречают: Платон и Саня,
Варвара и (между нами) навеки... милый... Павло.
И вот, очертя голову, как в воздушном десанте,
выпрыгивают молодые... Поехало тут и пошло...
Такая она тростинка — как тень паутины в небе.
Такую усадишь в сани — и погоняй коней!
А он рядом с нею — яшень, и высится он над нею
такой уж правдоподобный, будто с плаката, негр!
И так он идет победно, и так плечами играет
(она — глаза опустила, вцепилась ему в рукав),
как будто к себе он в джунгли привез на смотрины кралю,
и не себя, а Лизку нахваливал африкан.
На что уж дед Саня тертый — чертям от него тошно,
и он поначалу росту убавил на целый вершок,
когда африкан с излету увидел в Варваре тещу,
влепил поцелуй в губы и сказал: "Хар-ра-шо!"
На эту веселую сценку поглядывал бойкий поезд

под возгласы и советы — куда кого занесло!
Варвара, едва опомнясь, склонилась пред Лизой в пояс
и гордым гвардейским шагом промаршировала в село.

III

Какая новость в Ярешках! Не грех промочить бы горло!
Вы слышали, Лизавета привадила мил-дружка,
таки окрутила негра (не сразу и скажешь) Нгоро,
князя из роду-племени Бананового Божка.
Вот это новость так новость! С наших кумушек станется —
еще не одна подолом по двору заметет:
"Как себе знаете, Варка, отмоем его в сметане,
и кавалер у Лизки как яблоня зацветет..."
Соседушкам прытким Варвара умерила аппетиты —
иди, мол, гуляй сторонкой, ищи себе дураков.
Ой в мыслях проклято Лизку, ой бито Платона, бито,
ой на свою головушку надето терновых венков!..

IV

Тогда-то ярешковский Саня и встал на военную стезжку,
издалека закручивал, в надежде на рикошет:
"Думаю я, Платон, что твой древнегреческий тезка
тоже неплохо кумекал, хоть не читал газет.
Вот ведь в чем тут загвоздка, зри, Платон, прямо в корень,
как считаешь, что выйдет (ну, Платон, не хитри),
если к нашим да ведрям татаро-полесской крови
добавить еще кучерявые капли две иди три?
Непорядок, Платоша, в твоём хозяйстве — поверь мне,
да соседей послушай, впусти людскую молву —
расплодил индюков — не хата, а птицеферма,
и зажившись на свете, скучает кабан в хлеву.
Саня цели достиг, но победа далась тяжеленько.
Сколотили столы, наливали не самогон,
угощались Ярешки, уставив глаза в тарелки,
заскрипело застолье, пошло, набирая разгон.
Ели, пили, украдкой поглядывали на Нгоро.
Кто-то песню затеял, но сразу же приумолк.
Тут Павло закричал дурноватым голосом: "Горько!"

и Платон приподнялся: "Пью за тебя, сынок".
Чертыхнулась Варвара — чего не знаешь, спросил бы,
вот подсунул нечистый зять — хоть беги из села.
Да вставай и целуй! Лизавета, голубка, спасибо,
что и как подсказала и показала сама.
Тут Ярешки причину застолья вконец разглядели,
быстро карпов пекли, рушники приносили с собой —
украинская свадьба пошла-разлилась на неделю,
так, что эхом в районной газете статья — "Пьянству бой".
А какое тут пьянство? Что попусту волноваться?
Ну, попали, бывает. А парни на свадьбе, как шелк.
Музыканты, чудные, сбивались все с каравайниц*,
все с печальных напевов соскальзывали в мажор.

V

Так с места в карьер, казаки, седлайте коней горячих,
на вольный полет на ветер... пока не иссяк запал!
А надо святой водицы? Так чистый колодец рядом.
Само по себе святилось (дед Саня куда-то пропал).
Дорогу переливали. Убрали с дороги камень.
Монеты перегибали — опять же не в деньгах честь.
Держали сладкое деревце над головой африкана.
Он все по-своему понял и с Лизкой в хате исчез.
И вышел потом на люди, не то чтобы вовсе голый,
а так, прости господи, снизу слегка обернут в тряпье.
Умолкли браслеты-кольца, когда живописный Нгоро
на ясеневое удилище оперся, как на копые.
Как будто молнии с неба по телу его проходят —
он содрогнулся телом и молниям не мешал,
и крикнул высоким криком — гостей аж бросило в холод,
копые приподнял и к людям враждебно продвинул шаг.
И трясся, как в лихорадке. И будто забился в угол.
И будто бы выворачивался неизвестно из-под кого.
И снова рычал угрожающе. Извивался, как угорь.

* Милые мои каравайницы,
испеките мне каравай красный,
испеките мне каравай красный,
как на небе месяц ясный,

и т. д. — ярешковская свадебная песня, исполняемая друзьями.

А свадьба переживала, как в заправском кино.
Мужчина ступает лесом. Неслышно шаги пружинят.
Опасности подстерегают, но двум не бывать смертям.
Набросится ловкий хищник — и льва поборет мужчина.
Ему далека дорога и цель у него свята.
Варвара сложила губы куриной гузкой и злилась:
"Глаза б мои не видали, на целый свет осрамил".
А он, победитель, замер и крикнул по-нашему "Лизка!" —
и надвое над головою удилище переломил.
Она к нему вышла павой, а в нем разгорался пламень...
Все кончилось хэппи-эндом, как председатель сказал.
И порешили миром — а наш ничего себе парень,
а наш — компанейский хлопец и хоть куда казак!

VI

Тут объявился Саня — местами битый, но целый,
нес под мышкой бочонок, слизывал кровь с губы:
"Я обшарил весь Киев, облазил Белую Церковь,
и только в нашем Бердичеве по случаю раздобыл".
К столу привалился натруженно: "Что за муки танталовы,
налейте скорее чарочку, придвиньте мясной консерв...
Что ты заплакал, Нгоро? Тебе приволок тамтам я,
вот закушу, возьму бубен, устроим с тобой концерт".
По кругу несется свадьба — недели ей мало будет,
достанется и подковкам, и девичьим каблучкам.
С одной стороны Ярешек звенит украинский бубен,
с другой околицы вторит ему африканский тамтам.
"О, красавица нежная! Стан твой, как у пантеры!
О, мякоть твоего неба, пьянящая, как кокос..."
В ответ ему — "Гандзя-любка", "Не тронь меня", "Цветет терен",
а "Доля", как солью с перцем, приправится гопаком.
Раздолье двум музыкантам: еще перезвã* в запасе,
сливаются два темперамента, в одном закипают котле.
"Яркий пример растущих интернациональных связей", —
пишет газета "Правда" о свадьбе в моем селе.

* Перезвã — свадебный обряд: в понедельник после первой брачной ночи родственники новобрачной идут на угощение в хату родителей жениха, при прохождении поют соответствующие песни.

VII

Отмолотили свадьбу, смололось ядреное жито,
уехали молодые, не обиженные ничем,
вернулись в свои институты, в разные общежития,
со свежей копейкой в кармане и с торбой домашних харчей.
Прощание было знатным, сердечней встречи и проще.
Одна Варвара ворчала, да так, что не пересказать.
Оно и понятно — на свете считает любая теща,
что дочь у нее, как ягодка, а зять — наперекосяк.
На этом бы все и кончилось, и слухи бы улеглись
(что стерлось бы постепенно, а что прямым в фольклор),
но только вот с понедельника дед Саня закуролесил,
и с этим пошел в Ярешках совсем другой коленкор.
Дед Саня завесил зеркало, подмел до гвоздочка комору,
свою знаменитую пасеку отдал за бесценок Павлу,
под грушу привел Платону корову свою комолую,
рубанком отгладил доски, сварил на костре смолу.
Неужто?! Бесценные улы! "Ну, Саня", — Ярешки галдели...
Он днище, как гоночной лодке, зачистил и лаком покрыл,
в кленовом гробу просторном законопатил щели —
сошла благодать такая, как будто по небу плыл.
Уже над ним и смеялись, и фершал силком обследовал,
и штрафом грозились милиция, но Саня вешал в гробу:
"Живите себе и плодитесь, живите себе, как следует,
раз вам позволяет совесть. Моя говорит: табу.
Вот ты, председатель колхоза, образование высшее
и не брехло, как другие, скажи-ка ты мне, когда
и где это было, чтоб люди не следовали обычаю,
от любомудрых предков дошедшему в наши года.
Ты не кривись на меня, как сирота казанская,
в одном ты прав, председатель, — не время мне умирать".
И сельский праведник Саня слагал для людей сказания
и трогал сердца людские, и в души лил через край.
"Традиции — вот народа душа и вода живая.
От Запорожской Сечи род наш славный течет..."
А на него, учителя, Платон и Павло уповают —
они, карасики, нервами попались на Санин крючок.

А может, ярешковским миром зевнули первопричину,
и эта святая троица... в сговоре сразу была?!
Иначе чем объяснить, что только село почитет,
скликался совет военный, и Саня держал доклад.

VIII

Долго б еще дед Саня, лежа в гробу, хороводил,
но находит коса на камень, и камень идет под косу,
У мира иссякло терпенье: "Хватит толочь в ступе воду,
давай, выноси основное на справедливый суд".
И Саня пошел навстречу широким трудящимся массам,
и самое сокровенное собравшимся поверял.
Он брал в святые заступники учителя Карла Маркса,
в полемике всыпал Ницше и развенчал Коран.
Речь была содержательной, правда, не очень краткой.
Пахал глубоко, а сверку еще огород городил.
Под бурные аплодисменты закончил первый параграф
известными (Всякому городу) стихами. Сквороды.
"...О чем я толкую, люди? Взял чужестранец нашу.
Что же он сделал после? Как водится между людьми,
наведался к нам в Ярешки, землю нашу уважил
и вместе с нами руками хлеб наш переломил.
Кто упрекнет африкана, мол, бусурман, негодник?
Да он по сравнению с нами — чистой воды слеза.
Теперь уже наша очередь к нему собираться в гости,
Думайте, братья-славяне, решаете — я все сказал".
Такое и не приснится с похмелья под понедельник,
и чистого золота столько не выгребешь из-под коня!
"В Африку, прямо в гости? Сели и полетели!
Доколе терпеть нам выходки пузатого болтуна?!
Было б тебе, баламуту, не прятать в кармане дулю,
Взять бы тебя за шкурку, да от ворот поворот.
Не вечно коту масленица — иди погуляй в дурнях.
Расходимся, люди добрые. А Сане — на год бойкот!"
С тех пор с ярешковским людом что-то творилось странное —
еще друг друга стыдились, но думали наедине:
"В Африку, значит, в гости? Из Ярешек в дальние страны?
А почему бы, собственно, почему бы и нет?!"

Уже в рассудительных душах воскресли казацкие соки,
уже в крестьян-землепашцев вселился дух непосед —
звонит вечевой колокол, и весь белый свет несется,
Ярешки стоят на месте, а мир вокруг — карусель.
А гонору-то взрывного! Фантазии и азарту!
Да мы! Да куда угодно — "на вечерныцю Грыць!".
А в стороне от событий скромнейший в селе — дед Саня —
уселся на крышку гроба и грушку задумчиво грыз.
Пакуют уже чемоданы, тропическим солнцем согреты,
трое дедов из Ярешек — чудо-богатыри!
Платон и Павло степенны, мыслят, как по декрету,
про третьего, деда Саню, нечего говорить.
Их снаряжают миром — патлы дедам обрезали,
отпарили жесткие пятки и выходные штаны,
на головы возложили фабричные шляпы-сомбреро,
чтоб не роняли марку односельчан и родни.
Ехать им в гости дальними реками и морями,
кровно нести ответственность за теплый очаг и судьбу,
как водится по обычаю (а подсказал дед Саня),
к вновь обретенным родичам им пробивать тропу.
"Платон, я на вас надеюсь, ведь Саня и дома чокнутый, —
напутствует председатель, — такая вам выпала честь!
— Зачем же ты тащишь в Африку петушью породу чертову,
он там всех кур перетопчет, какие в Африке есть!
— Гостинец? А три каравая, каждый, как та перина,
корзина ясных антоновок, гречишного меду горшок,
на вышитых полотенцах — петухи да калина,
а в кузове уместился бочонок на посошок".
Тут возразил дед Саня: "Хватит шить меня в дурни,
Кто в протоколе не смыслит, лучше б того, молчал,
Петух в нашей миссии будет передовым редутом,
мы себе разговариваем, он же — за толмача.
Найдется, я себе думаю, мой африканский тезка —
ну копия, только черный, — на свете чему не бывать!
Такой же болтун пузатый, такой же калачик тертый,
такие же руки в жилах и тыквою голова.
Мы с ним нарежем удилиц — в джунглях чего уж легче,
и на ставок африканский (по-ихнему озеро Чад).

Для доброй ухи казацкой надергаем к вечеру лещиков,
казан африканских карасиков, окуньков и щучат.
Как славно вдвоем под вербами! Но только ни слова губами!..
Петух сидит между нами, в янтарных глазах огоньки,
поглажу я горлопана, погладит и мой напарник,
и вот у обоих, ей-богу, развяжутся языки.
"Ну, здравствуй, как поживаешь, тезка мой африканец?"
"Да так себе, помаленьку, картошка убрана вся,
До снега заквашу бочку с капустой и огурцами,
да с тем и перезимую. А ты как, ярешковский Сань?"
И все, и гуди беседа, толково, бесперебойно,
они уж мыслей подбросят, как сухостою в огонь..
Не хуже Павла с Платоном осудят нейтронную бомбу
и вправят мозги правителям почище самой ООН!"
Всем миром слушали Саню, но только в ответ молчали,
Всяк знает: перечить Сане — себе надрывать нутро.
Присядем, братья-славяне, достаточно для начала,
Недаром какое здравствуй, такое и будь здоров.

Перевод с украинского Инны ТИКЕР
Публикация Евгения ГОЛУБОВСКОГО

